

Литературная страница

Дорогие мои девчонки

Сегодня 10 сентября 2024 года. Люблю сентябрь за теплую и нежаркую погоду, за красоту природы и, конечно, за начало учебного года. Я пришла в гимнастический зал спортивной школы немного раньше положенного времени, села за инструмент и стала ожидать прихода детей.

Вот они, первые ласточки, — Софья и Марианна. Следом пришла Аня. Все три поздоровались и застыли в дверях. Загорелая стройная Софья, обладательница необыкновенно черных глаз и браслета из цветных камешков, негромко обратилась ко мне: «Можно мы подождем своего тренера здесь, в зале?». По школьным правилам входить в спортивный зал без тренера воспитанникам не разрешается. Но мне хочется пообщаться с девочками. Я киваю головой в знак согласия. Девочки быстро входят и усаживаются на скамейку возле зеркала со мной по соседству.

Все молча уткнулись в телефоны и с невероятной проворностью стали перебирать тонкими пальчиками. Они уже успели обсудить все летние приключения, потеряли к ним интерес и потому погрузились в свое привычное состояние — манипуляции в телефоне.

— Я прошла первый уровень, — нарушив тишину, сообщила своим подругам Софья. — Теперь готовлюсь к нападению старухи Гренни.

— А я уже давно прошла первый уровень, теперь жду, когда на меня нападет Голова, — не отрываясь от экрана, быстро проговорила Марианна. Она почти на голову ниже Софьи, круглолицая. Ее волосы ровно разделены на две части и заплетены в косы, нос немного вздернут вверх, и на носу, и на щеках разбросаны маленькие светлые веснушки. Она всегда быстро говорит, спешит и боится опоздать или остаться неслышанной.

— Мне больше нравится игра «Глаз». Она страшнее и сложнее, — скороговоркой поделилась Марианна.

Аня сидела немного отдельно от подруг и тоже сосредоточенно играла в телефоне, бесконечно нажимая на экране какие-то значки. Впечатлениями не делилась и предпочитала молчать.

— Девочки, а вы не боитесь таких игр? — спросила Елена Владимировна, которая бесшумно вошла в зал и села на стул у входа, наблюдая за происходящим.

— Нет! — почти одновременно ответили они.

— Это же игра, — спокойно отозвалась Марианна.

— Простая игра в ужасики, — равнодушно добавила Аня.

— Это же все не в жизни происходит, — окинув нас острым взглядом, окончательно утвердила Софья.

— А в жизни чего боитесь, девочки? — обратилась я к ним.

— Собак, — оторвав взгляд от телефона, отозвалась Марианна.

— Муравьев, — выдержав небольшую паузу, ответила Софья, — а еще... пауков.

— Я боюсь Бабайки и поэтому никогда не выношу пакет с мусором вечером, — вкрадчивым голосом поделилась Аня. — А вдруг он меня утащит?

Оля, будучи на прямом шпагате, немного поодаль от нас, вытянув прямые руки впереди себя, лежала на груди, и что-то сосредоточенно читала в телефоне. Для гимнастики такое возможно, вовсе не

трудно, тем более для Оли, целеустремленной спортсменки.

И, как мне казалось, в нашем разговоре участия принимать не собиралась.

— Голода, — негромко произнесла она.

— А ты испытала голод, Оля? — спросила я.

— Нет, — честно созналась она. — Но все равно боюсь его.

— А зимой в лесу одна смогла бы переночевать?

— Нет, слишком страшно!

Я повторила вопрос другим девочкам. Те, выдержав напряженную паузу, отрицательно замахали головами.

— Даже с родителями не смогла бы, — созналась Аня.

Девочки доверительно и честно ответили на все вопросы. Они не хитрили, не стремились показать себя лучше, чем они есть. Я с благодарностью смотрела на них. Мне хотелось продолжить беседу, услышать их мнение на некоторые события, случившиеся в далеком 1966 году. Я попросила разрешения у Елены Владимировны продолжить нашу беседу.

— Только недолго, — согласилась она, — пока ждем опоздавших.

— Тогда послушайте рассказ из моей детской жизни.

Именно в этом году я поступила в первый класс Филинской начальной школы Костромской области. Школа была небольшая: всего две классные комнаты и широкий квадратный коридор, в котором зимой проводились уроки физкультуры и танцы. Да, да! Нас учили танцевать. Учительница выносила радиолу, ставила большие черные пластинки на проигрыватель и показывала детям шаги вальса, польки, галопа и даже некоторые движения фокстрота. Так же под музыкальное сопровождение пластинок мы пели вместе с детским хором.

В классной комнате, где проходили другие уроки, располагались сразу два класса: первый и третий. Учительницу звали Татьяна Васильевна Афанасьева. В другой классной комнате — второй и четвертый. Уроки там вела Валентина Ивановна Малафеева. Первоклассники писали в тетрадях-прописях стальными перьями, макали кончики своих перьев в стеклянные чернильницы, в которых находились фиолетовые чернила. У всех одноклассников на партах стояли стеклянные чернильницы, а у меня — беленькая фарфоровая. На ней синей краской была изображена курочка. Я очень дорожила своей чернильницей и втайне опасалась, что она может оказаться на другой парте,

а у меня вместо нее появится простая стеклянная баночка.

Татьяна Васильевна объясняла новый материал не спеша, писала на доске крупно, говорила ясно и на детей смотрела строго. На похвалы была скуповата, никогда не кричала. Самыми обидными словами в ее лексиконе считались два слова — «грубиян» и «грубиянка». Применяла она их в исключительных обстоятельствах.

— Нельзя грубо разговаривать. Отвечать нужно вежливо, даже если тебе не нравится вопрос или собеседник.

Плохой оценкой письменной работы считалось слово «небрежно». Кляксы мы ставили довольно часто. Чернила слетали с кончика пера как-то сами собой, произвольно, как будто назло. До слез удручала запись, выведенная ровным учительским почерком красными чернилами в конце странички «Оч. небрежно».

Татьяна Васильевна являла образец сельской интеллигентности. На уроки приходила в белоснежной сорочке, синем бостоновом костюме с ромбиком, на котором изображены глобус и книжечка, в лаковых черных туфлях. Каштановые волосы завиты и аккуратно уложены. Урок вела преимущественно стоя, на стул опускалась крайне редко. Во времени ориентировалась быстро, точно распределяя время на объяснение и самостоятельную работу, чередуя переход от первого класса к третьему. Виртуозно, но вполне реально. Дело опыта. Ей было за тридцать. Опыт был наработан.

Зима в тот год была суровая. Морозы стояли крепкие, ночи звездные. Месяц светил так ярко, что без труда было возможно разглядеть на улице все строения и предметы, почти как днем. Если морозы доходили до тридцати градусов, то всех первоклассников возили в школу на санях. Тащил розвальни конь по кличке Афоня. А возницу звали дядя Сеня. Хороший добрый старик, заботливый и ласковый.

Иногда дядя Сеня запрягал большого черного коня по кличке Ворон. Этот красавец принадлежал к владимирской породе. Рослый конь, крупный, со смоляной гривой и в белых носочках. Он бежал необыкновенно резко, сани тащил легко и воздух выдыхал в виде белого густого пара. За санями вырисовывались две колеи. Я ликовала, когда видела, что возле моего дома снова остановился Ворон. Мне он казался былинным персонажем. На таких конях передвигались и сражались богатыри Илья Муромец, Добрыня Никитич. Эх, много бы

я сейчас отдала, чтобы прокатиться вот так: на санях, да по морозу, да еще и в компании добрых веселых подруг.

В классе с правой стороны у окна располагалась русская печь. Топила ее техничка обыкновенными дровами, преимущественно березовыми поленьями. Они горели жарко и чуть-чуть потрескивали. Волшебной музыкой осталось в моей жизни звуко сочетание: треск горящих в русской печи дров и медленный скрежет ученических перьев по тетрадной странице. Сквозь сказочные узоры на окнах виднеется заснеженная длинная с поворотом поленица, берущая свое начало у школьного крыльца.

Войдя к началу урока в класс, раздевшись, первым делом надо было подойти к Татьяне Васильевне и показать ей щеки и нос. Если она замечала белые пятна, то сама протирала их ватой, смоченной в одеколоне под названием «Гвоздика». Затем погреться у печки. Я помню, как мы окружали белоснежную теплую русскую печь, прижимали к ней свои ладони, прилонялись щекой. Сколько тепла исходило от нее. Уютно, спокойно, и надежно рядом с Татьяной Васильевной.

По своей сути и образу жизни она была селянкой и интеллигентом одновременно. Жила при школе, занимая небольшую ее часть, с краю, где располагались комната и кухня с отдельным входом и маленьким крыльцом. Имелась пристройка, в которой содержалась корова. Звали ее Рябина. Мы все любили Рябину за спокойный характер. Иногда, с разрешения Татьяны Васильевны, заходили к ней, кормили хлебом. Все знали ее голос, мягкий и протяжный. По голосу могли определить, в каком она настроении.

Однажды во время урока рисования Рябина начала отчаянно мычать. В ее голосе слышался крик о помощи. Все дети замерли и вопросительно смотрели на Татьяну Васильевну. Ее взгляд выразил тревогу. Она попросила нас посидеть тихо и подождать некоторое время, пока она сходит к Рябине и посмотрит, что с ней случилось. Живо накинула на плечи пуховый платок и спешно вышла из класса.

— Может, чужая собака в сарай вошла? — предположила Ира Климова.

— Или волк проник? Они сейчас везде шастают, — отозвался с последней парты Сашка Гусев.

— Может, что упало на нее? — предположила Наташа Шустина.

Рябина продолжала мычать так же сильно и отчаянно.

Третьеклассники Сашка Коржов и Сашка Зачиналов соскочили со своих парт, быстро накинули пальто и без шапок побежали в сарай, где находилась Рябина. Мы сидели молча и прислушивались. Внезапно до нашего слуха донесся оглушительный свист. Так умел свистеть только Сашка Коржов. Следующий свист был несколько тише и не такой залихватистый.

— Зачиналов, — прошептали некоторые.

— Может, они нас на помощь зовут, а мы расселись тут! — возмутилась Шустина.

— Одеваемся! Бежим в сарай! — командовала Ирка.

Мы соскочили со своих парт и все разом кинулись за своими пальто. Некоторые выскочили на улицу без пальто, и наткнулись на спасательную команду во главе с Татьяной Васильевной.

(Продолжение - в следующем номере).
Лариса Тимиручива